

Сергей Михайлович Соловьев

История России с древнейших времен. Том 16

Сергей Михайлович Соловьев
История России с
древнейших времен. Том 16
Серия «История России с
древнейших времен», книга 16

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172097

*История России с древнейших времен. Книга VIII. 1703 – начало 20-х годов XVIII века: АСТ, Фолио; М.; 2001
ISBN 5-17-002536-X, 966-03-0891-4*

Аннотация

Пятнадцатый и шестнадцатый тома сочинений С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» посвящены царствованию Петра I.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

58

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 16. Царствования Петра I Алексеевича. 1709–1722 гг

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I АЛЕКСЕЕВИЧА

Внутреннее состояние России с 1705 года до учреждения Сената. – Характер правления. – Кабинет-секретарь Макаров. Зотов. – Остерман. – Судьба Вiniusа. – Деятельность Курбатова. – Курбатов вице-губернатором в Архангельске. – Финансовые распоряжения. – Полицейские распоряжения. – Гошпиталь. – Меры против нищенства. – Разбои. – Заботы Петра о просвещении. – Духовенство. – Неудовольствия архиереев на Монастырский приказ. – Дело нижегородского митрополита Исаии. – Стефан Явор-

ский. — Деятельность митрополитов: Иова новгородского и Димитрия ростовского. — Неудовольствия в низших слоях народонаселения. — Состояние Малороссии. — Разделение России на губернии. — Первое счисление прихода с расходом. — Учреждение Сената. — Определение его деятельности. — Учреждение фискалов. — Комиссары из губерний. — Медленность губернаторов. — Продолжение шведской войны. — Положение завоеванного Прибалтийского края. — Женильба герцога курляндского на племяннице царской Анне Иоанновне. — Дела турецкие. — Разрыв с Портою. — Действия союзников датчан. — Отношения к Англии и Ганноверу. — Отношения к Польше. — Печальные предчувствия Петра пред началом турецкой войны. — Семейное дело.

В рассказе о внутреннем состоянии России мы остановились на 1705 году. Мы видели, как с этого года борьба преобразователя и с чужими и с своими усиливается, страшный враг входит в пределы России и за бунтом Астраханским следует бунт Башкирский, Булавинский, измена Мазепы. Во все это время мы не вправе ожидать сильной внутренней деятельности, важных преобразований. Характер правления остается прежний; царь по-прежнему в отлучке, изредка приезжает в Москву: приедет, станет заниматься внутренними делами, и вдруг — вести о приближении врага, царь с досадою покидает важные правительственные занятия и спешит к границам. В отсутствие царя по-прежнему управ-

ляют бояре, которые носят название *министров*; министры по-прежнему съезжаются в палату в ближнюю канцелярию на общий совет, в *консилию*. Оказались беспорядки: приедут не все, а потом при взыске отговариваются: я не был и дела на решал. В 1707 году Петр написал Ромодановскому из Вильны: «Изволь объявить при съезде в палате всем министрам, которые в консилию съезжаются, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали и каждый бы министр своею рукою подписывал, что зело нужно надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли бы, ибо сим всякого дурость явлена будет».

Правительственные лица прежние, нам знакомые, по-прежнему сильнее всех Александр Данилович Меншиков; но подле царя является новое лицо, очень скромное, не видное и не слышное, но расположения которого заискивают самые сильные люди. Царь в отлучке из Москвы: он то в Петербурге, то в Воронеже, то в Азове то в Литве; но он следит за всем, к нему обращаются все с донесениями, вопросами, просьбами и жалобами. Все эти бумаги поступают в *Кабинет* царского величества; царь их все прочитывает; но он то преследует неприятеля, то отступает от него, то переезжает с одного конца России на другой – когда он прочтет ту или другую бумагу, когда даст решение? Прочтя, отвлечется другим, более важным, делом: когда опять вспомнит о прочитанном? Но подле него безотлучно находится человек, который подает ему бумаги, читает их; от этого человека,

следовательно, зависит, когда подать бумагу, пораньше или попозднее, от него зависит напомнить о бумаге, уже прочитанной, и, главное, от него зависит доложить о деле или напомнить о нем в благоприятное время, когда царь спокоен, в духе. Этот человек – кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров, человек без голоса, без мнения; но человек могущественный по своему приближению к царю, и все вельможи, самые сильные, обращаются к Макарову с просьбами: обратить внимание на их дела, доложить о них царскому величеству и напомнить, чтоб поскорее были решены. Для примера, как относились первейшие вельможи к Алексею Васильевичу, приводим письмо Федора Матвеевича Апраксина к нему: «Мой благодетель Алексей Васильевич, здравствуй. Объявляю милости вашей: вручил я письмо до всемилостивейшего государя чрез господина адмирала (Головина). Пожалуй, мой благодетель, когда вручено будет, вспомози мне о скором ответствовании, в чем имею на тебе надежду. Тако ж де послано письмо до милостивейшего моего патрона Александра Даниловича: по возможности изволь разведать и, по своему приятству, ко мне напиши. Приятелем моим, кои обретаются при его величествии, господам питателем и комнатным служителем и славному богатырю Екиму и всем, кто меня любит, пожалуй поздравь» Для писмоводства при Петре была ближняя походная канцелярия, начальником которой был *всешутейший* Никита Моисеевич Зотов, старый, опытный излагатель царской воли в указах; он

назывался: «Ближний советник и ближней канцелярии генерал-президент». Несмотря на этот громкий титул, Зотов далеко не имел того значения, каким пользовался Макаров. С 1703 года для иностранной переписки находился постоянно при государе Остерман, сначала невидный, скромный немецин.

Сходит со сцены старый, неутомимый работник думный дьяк Андрей Андреевич Виниус. Петр, державший его прежде в большом приближении, сильно охладел к нему, заметив, что старик нечист на руку. В 1703 году Виниус, угрожаемый лишением всех мест, обратился к Меншикову с подарками, привез ему в Петербург три коробочки золота, 150 золотых червонных, 300 рублей денег, а в семи коробочках золота и в 5000 рублях дал письмо, в котором обязывался выдать по востребованию. Данилыч поступил с ним нечисто: дал ему письмо для доставления государю, И в этом письме, которое Виниус прочел, было написано, что старик оправдался совершенно во всем. Но в то же время Меншиков отправил к Петру другое письмо, в котором писал, что Виниус, несмотря на свое *выкручивание*, ни в чем не мог оправдаться. Рассказавши, какие подарки дал ему Виниус, Меншиков прибавил: «Зело я удивляюсь, как те люди не признают себя и хотят меня скупить за твою милость деньгами: или они не хотят, или бог их не обращает. А большую дачу дал мне Виниус и за то, чтоб Пушкарский приказ и аптеку хотя у него и взять, только бы Сибирский приказ удержать за ним. Из чего

изволишь познать, для чего такую великую дачу дал: надеется от Сибирского приказа впредь себе больших пожитков; а прежде много раз бил челом твоей милости о деревнях, говоря, что пить и есть нечего». Виниус продолжал работать, лил пушки, но чувствовал немилость царскую; в апреле 1705 года он писал Петру: «Обрадуй мя, своего раба, в печалех погружаема во грядущий праздник Воскресения Христа, бога нашего, обнадежением своея государския милости». Обнадеживания, как видно, не было; старику стало очень тяжело: другие идут быстро вперед, молодой переводчик Посольского приказа Шафиров в большой милости, заведывает почтовым управлением, отнятым у Виниуса, а старый служака забыт, в опале! Не он ли умножил казну несколькими сотнями тысяч, нашел руды медные и железные, устроил 4 завода, которые кроме удовлетворения государственным потребностям отправляют свои произведения за море; устроил китайский торг, нашел селитру, в два с половиною года изготовил больше 600 пушек, улучшил порох, устроил математическую школу. И за все это вместо награды наложили на него взыскание в 13000 рублей, чтоб заплатить эту сумму, должен был один двор продать, другой заложить, деньги занять; опозорен, обнищал, и наконец 65-летнего старика послали в Гродно, где целый год был в тяжких трудах. В 1706 году узнали, что Виниус ушел за границу, откуда написал царю оправдательное письмо: «Будучи в Гродне, в нашествие неприятелей лишился без мала не всех своих лошадей и лю-

дей. По сих, во время похода достал скудости ради лошадей и денег, иные и худосильные, которыми, отъехав едва до Кнышина, в том месте обессилели и от бескормицы стали, и я, видя себя в таком опасении нужною смертью погибнуть или в руки достаться неприятелю, принужден к прусской границе удалиться». Старик соскучился по России, просил позволения возвратиться и получил его в 1708 году. О возвращении своем он так уведомил царя: «Приял резолюцию паки в недра святые восточные церкви и под кров вашего величества славного милосердия вдатися, чрез океан северный к Архангельской порте и град Москву достигох; но обрете домик мой запечатан, деревни описаны, книги, ими же некогда вашему величеству служих и в горестех своих довольную приях утеху, взяты». Виниус просил возвратить ему все взятое, получил и опять стал служить книгами: через два месяца по возвращении по царскому приказанию перевел трактат механики; объявляя об окончании труда, просил прощения за медленность по старости и недугам, особенно по трудности материи. в которой некоторых имен без лексикона перевести было трудно.

Деятельность Виниуса прекращалась; все сильнее и сильнее становилась деятельность знаменитого прибыльщика Курбатова. Мы видели его деятельность в звании дьяка Оружейной палаты в феврале 1705 года он был сделан инспектором ратуши, т. е. представлен в челе финансового управления в целой России. Прибыльщик на своем месте: письмо

за письмом шлет он к царю, вскрывая злоупотребления, указывает новые источники доходов, не щадит сильных людей, опираясь на могущественного милостивца своего Меншикова. Неизвестно, к какому времени относится доклад Курбатова Петру: «Молю тя, государя, повели мне, видя, где мочно учинить какие в котором приказе прибыли; или какие в делах поползновения, судиям наедине доносить безбоязненно. И о которых двух человеках в помощь мне милости я у тебя, государя просил, умилися, государь, ради милосердия божия, даруй мне их ради истинных услуг к тебе, государю, и повели мне сказать о них указ твой. Благоволи в надежду всех поступок моих zde подписать своею, государевою, рукою. Истинно желаю работать тебе, государю, без всякого притворства, как богу». Петр подписал на докладе: «Доносить доброе дело самим, только надобно смотря по человеку, о чем и приточник: обличение нечистивому мозоли. А о двух человеках говори Федору Алексеевичу (Головину), чтоб он сделал». Уже в марте 1705 года Курбатов писал Петру: «Тихон Никитич (Стрешнев) изволит принуждать, чтоб десятою деньгою обложить вновь гостей и гостиных детей. Они милости просят, чтоб их обложить в ратуше; нам приносят многую жалобу, что растащены все врознь; десятые деньги собирают мимо ратуши в разных приказах, от чего им не без утеснении. А повеление вашего величества нам, дабы со всеми околичностями усмотреть ратушу, в чем истинно, как богу, равно желаю тебе, государю, услужити. И надлежит не

точною одних гостей обложить, но, усмотрев, и всех слобод торговых людей, для того что в прежних окладах нималое есть усмотрение: кому мочно платить сто рублей, тот платит пятнадцать, а убогие отягчены».

В наказных статьях, данных Курбатову, было сказано: «Надлежит рассмотреть ратушу московскую со всеми ее околичностями и, что возможно еще, прибавить прибыли без тягости народа. Города, которые можно вместе с Москвою тако ж де осмотреть, а прочие потом, как возможно, обнять, един по другом осматривать и ставить на мере». Курбатов принялся за дело и в октябре того же 1705 года донес государю: «Вашего величества повелением вручено мне с товарищи ратушное правление, велено осмотреть ратушу со всеми ее околичностями. Многий в том належит труд того ради, что никакого нет в ратуше правого усмотрения вин ради таковых: 1) что не точною сначала состояние ратуши, но еще с 206 года (1698), с которого им то чинить велено, книг московские таможни по сей год в ратушу не взято и бурмистры не считаны и премногая есть доимка, также и питейные прибыли многих же годов бурмистры не считаны, в чем усмотрел я, что их милость бурмистры друг другу тяготы носят. 2) В городах от бурмистров премногие явились кражи вашей казны, и в розысках бурмистры говорили, объявляя о черных сборах книгах, которых не подают в ратуше, а подают белые, написав как хотят с великим уменьшением, и во всех городах такие книги есть, которые уже многие и вы-

нуты, и для собрания таких книг хочу послать во все города, а в иные и посланы: и таким клятвопреступникам, крадущим вашу казну, что чинить? Да повелит мне ваше величество в страх прочим о самых воровству производителях учинить указ, да восприимут смерть, без страха же исправить трудно; ей, ей, государь, превеликое чинится на Москве и в городах в сборах воровство. 3) Подьячие ратушские превеликие воры, и всякое вышеозначенным вора́м чинят в их поползновениях попомоществование, и имеют себе повыть за наследства, и берут премногие взятки, еще ж дают в города знать, да опасаются нашего правления, и о таковых, государь, что чинить? Поступаю и так, при помощи божией, не зело им в угодность, но приемлю ненависть от их патронов, понеже имеют едва не всякий у себя дядек». Курбатов приводил примеры, какие средства употребляют частные люди для собственных выгод против выгод казны: человек Кирилла Киреевского, пришедши в деревню к белевским бортникам, говорил: вам, бортникам, конечно, за государем не быть, а быть по-прежнему за помещиками, а на Меншикова в том не надейтесь; разве двое их за рубеж в иное государство уйдут. Дворовый человек княгини Урусовой, приехав к ним же на мирской сход, сказал: как приедет к вам из канцелярии медового сбора описчик для описи бортных, и вы бортниками ему не сказывайтесь, и в том на прибыльщиков не надейтесь, за государем вам никогда не бывать, а быть за боярынею

В 1705 году Курбатов доносил неопределенно о премно-

гом воровстве; в 1706 уже указывает прямо на лица и на суммы украденные. 4 октября он писал государю: «За градскими бурмистры премное воровство чрез мое, бедного, усердие сыскано: в одном Ярославле украдено с 40000 рублей. На псковичей Никифора Ямского и Михайла Сарпунова с сыном и на иных лучших людей доносят, что во время точию шведской войны украдено ими пошлин и питейной прибыли с 90000 рублей и больше. Они же, воры-псковичи, посланным с Москвы надзирателям всякое чинили противство, отчего и в сборах уменьшение, и из земской избы их выбили самовластно, в котором противстве Иван Сарпунов ныне на Москве принес повинную, что то противство чинили они по указу лучших людей, Ямского со товарищи. Ныне в таких великих их воровствах и противствах велено сыскать о них Кирилле Алексеевичу Нарышкину, который в многих взятках с них сам приличен и во всем им дружит: как он сыскать может истину? Умилосердись, государь, не вели ему ни в чем их ведать; ежели я в том сыску учиню какую неправость, то вечно лишен да буду вашего милосердия. Доносители так написали: ежели они неправо доносят и воровство их не сыщут, чтоб их казнить смертию, а чтоб у того розыска Кирилле Алексеевичу не быть». Донося, сколько кем украдено казенных денег, Курбатов прибавлял, сколько он сам сделал казне прибыли: «Моим, бедного, усердием в нынешнем году в Москве одной над все годы от новопостроенных аптек, и что истреблены корчмы многие, со 100000 рублей

питейные прибыли будет». Прибыльщик вынул корчемное вино у первого разрядного подьячего Топильского, который находился у боярской книги: подьячий торговал вместе с женою в ведра и скляницы, продал до 400 ведр, и много еще было запечатано. Курбатов открыл и то, откуда подьячий добывал вино: это были взятки с дворян, для которых Топильский обделывал дела в Разряде; в два года он получил таким образом с дворян до 1500 ведер вина и множество других припасов; люди, у него служившие, получены были за долг. Оканчивая свое донесение, Курбатов писал царю: «Едва не все их милости об нем скорбят, подсылают ко мне с дарами, грозят погубить. Молю, спаси! Одни ярославцы и псковичи готовы дать 20000 рублей, чтоб только избежать обличения от меня».

Кроме кражи казенных денег Курбатов доносил царю о другом печальном явлении. Мы видели, что одним из первых распоряжений Петра было освобождение городских жителей от воеводских притеснений, им дано было самоуправление; но как же они этим воспользовались? «Через московскую ратушу ведомо великому государю учинилось, что едва не во всех городах в окладных тяглых и в случающихся неокладных и на мирские расходы поборах налагают пожиточные, пользуя себя, на убогих (без всякого скудости их торговых промыслов рассмотрения) платежи тяжки; в иных же городах предлагают они пожиточные в новое убогим же тягчайшее уравнение, именно, оставя имущество пожитков, равня-

ют в ровные с собою подати числом дворовым. И чтоб оные поборы и всякие подати были собираемы по древнему, с расположением каждого в пожитках имущества, обычаю, многое в городах земским бурмистрам от убогих было прощение; но они, ведая о себе, что и сами они из числа перво-статейных же, указу им не чинили, иным же производили в тюрьмах задержанием и чрез иные наказания озлобления, от которых обид многие из числа убогих вышли в стороны городов». Для отстранения этих злоупотреблений царь велел «выбирать по общему же с малопожиточными согласию, особливых из первой и из последних статей, сколько человек где прилично, которые б брали у сборщиков и расходчиков всяким поборам и расходам всякие письменные ведомости помесечно и по тем ведомостям сборы и расходы считали самую истинною правдою».

Кроме злоупотреблений Курбатов жаловался и на нерадение выборных бурмистров: «Которые при мне и бургомистры есть, ей, малое от них имею помоществование, понеже видя они мое усердие, что я многое усмотрел не точию за иными, но и за ними, мало за сие мя любят, и лучший Панкратьев однажды или дважды в неделю побывает в ратуше, а в банкетах по вся дни; а я, бедный, ей, ей, государь, едва не всем управляю своею головою».

Жалуясь на бурмистров, Курбатов жаловался на губернаторов, которые не присылали в московскую ратушу денег, собранных в ратушах других городов: «В ратуше, государь,

собрано моим усердием из доходов прошедших лет денег тысяч со сто рублей. Из губерний ратушских сборов прошедших лет в ратуше в присылке самое малое число, тако же и бурмистров к отчету: да повелит ваше величество повторить о том именными указами. Премногие тысячи доимочных денег довлеет быть в сборе, в том числе с двух городов точию, с Астрахани и с Казани, со 150000 рублей. Ничего Петр Матвеевич Апраксин не присылает, а сказывал сам, что у него в Астрахани тех денег есть в сборе тысяч с 70, а в ратушу прислано от него в три года только 10000 рублей».

Знаменитый прибылыщик по-прежнему не ограничивался одними финансами: еще в 1704 году он послал Меншикову статьи о умножении пехотных и конных войск и о поселении пехотных в городах; а в 1705 году писал самому государю: «Доносил я вашему величеству в прошедших летах неоднократно, дабы из москвич и городовых дворян учинить полки драгунские, понеже нестройный их бой не точию шведам, но и татарам не зело страшен. А ныне еще в остатках тех москвич слишком 4000, и ежели при них хотя по одному драгуну учинить из людей их, то будет полков тысячных осмь, а иные возьмут за собою двух и трех человек военных, и служить будут без жалованья, как и ныне, аще и не строим, однако служат едва иные не повсягодно; а многие из них прикрываются, всяко измаяясь, чрез посылки, которое их прикровение истинно всячески надлежит отсечь; ясное неусмотрение, что во многих городах едва не по десяти человек живут ради

дел, которые дела мочно все управить одному воеводе; а буде и послать для самых нужд в помощь воеводе, то бы, конечно, из отставных или из дьяков и подьячих, а не из служилых, от которых посыльных дворян превеликое чинится народу разорение, как я уведомился о Вятке, что из их милостей брали с народу рублей тысячи до полторы; их милостей великочестных многих есть дети, братья, а иные и сами могут, но не служат, в пример же сын Алексея Петровича Салтыкова или сын Тихона Никитича (Стрешнева) и прочих». Таким образом, прибыльщик продолжал задевать сильных людей; продолжалась у него и ссора с князем Федором Юрьевичем Ромодановским. Пресбургский король избил ратушского подьячего без розыска в самую великую пятницу, «забыв величество дня». Курбатов послал жалобу царю, причем отозвался очень нелестно об умственных способностях страшного короля: «Видя такую злобу. я сам ослабеваю в моем усердии: понеже аще и скудный в своих рассудках человек, но великомочный в своем правлении, учинит что хочет. Умилосердись, государь, заступись за нас; кому было надлежало нас любить, понеже значитя правосуден (мнением разве), тот паче всех ненавидит. Не вели ему ни в каких делах людей ратушных ведать. Ей, ей, государь, многое творит по пристрастию».

В начале 1711 года в судьбе Курбатова произошла перемена Петр назначал его вице-губернатором в Архангельск, в место, важное по своему торговому значению, ибо Архан-

гельск, или *gorod*, как его обыкновенно называли, продолжал быть единственным морским пристанищем в России; в 1710 году к нему приходило английских кораблей 72, голландских 58, гамбургских 12, бременских 2, русский 1, испанский 1, датских 8, всего 154. Место было важное: было над чем при-смотреть, было где найти злоупотребления и новые источ-ники доходов зоркому глазу прибыльщика Несмотря на то, Курбатов сильно огорчился, узнав о своем назначении: ин-спекторство в московской ратуше он имел полное право счита-ть выше архангельского вице-губернаторства; притом из столицы, где он имел такое важное значение, перебираться на край света, в Архангельск. Другое дело, если бы назначи-ли губернатором! Курбатов увидал в своем новом назначе-нии опалу и выразил свою скорбь в письме к государю. Петр отвечал ему: «Господин Курбатов! Вчерашнего дни получил я письмо от вас, в котором вы зело опечалились ездою к го-роду образом малодушества, то не напоминая, что в каких бедах ваш предводитель и печалях обретається; что же мните, будто ради я какого сердца на вас сие учинил, то извольте верить воистину, что ниже в мысли моей то было, ибо еже-ли б я хотел, явно б мог без подлогов учинить, о чем про-страннее услышите, когда у вас назаутрие буду. Piter». Кур-батов просил губернаторского звания. «Построй три кораб-ля, и будешь губернатором», – отвечал ему Петр. Недаром печалился Курбатов: не на добро поехал он к городу!

Прибыльщики указывали новые источники доходов, и

правительство брало везде, где только можно было взять, чтоб вынести тяжкую войну, предпринятую для приобретения средств к народному обогащению. С начала 1705 года меры для умножения казенных доходов усиливаются. 1 января – два указа: первый – об отдаче рыбных ловель на откуп; второй: на Москве и в городах, у всяких чинов людей соль описав, продавать из казны, а у продажи быть выборным головам и целовальникам добрым, а над ними смотреть бурмистрам; а впредь соль ставить в казну подрядом, кто похочет, а почему по подряду по истинной цене на месте станет, продавать *вдвое*. В том же месяце велено переписать у продавцов дубовые гробы, собрать их в монастыри и продавать против покупной цены *вчетверо*; а сосновых, еловых и других гробов не переписывать и не брать. В том же январе наложена пошлина на бороду и усы: кто не захочет бриться, с тех брать: с царедворцев, служилых и приказных людей – по 60 рублей; с гостей и гостиной сотни первой статьи – по 100 рублей, средней и меньшей статьи, с торговых и посадских людей – по 60 рублей, с боярских людей, ямщиков, извозчиков, церковных причетников и всяких чинов московских жителей – по 30 рублей ежегодно; с крестьян велено брать везде по воротам пошлину, по 2 деньги с бороды по все дни, как поедут в город и за город. Сибирским жителям было дозволено для скудости остаться при прежнем платье и прежних седлах. В феврале велено с извозчиков брать десятую долю с наемной платы. В апреле продажа табаку взята у ан-

гличанина Гутфеля и сделана казенною. Издавна в Москве в рядах и по перекресткам дегтем, коломазью, мелом, жиром, рыбным салом, а в городах и смолою торговали откупщики: в 1707 году эту торговлю запрещено отдавать на откуп, велено означенные товары продавать выборным из слобод целовальникам под надзором мытенных бурмистров.

Несмотря, однако, на сильную нужду в деньгах, тяжесть некоторых прежних налогов была ослаблена: прежде была наложена рублевая пошлина на домашние бани; в 1705 издан указ: с маломочных, служилых и нижних чинов людей, дьяков и просвирниц, у которых домашние есть бани, а на 704 год с тех бань за скудостию рублевых денег не платили и оплатиться с правежа нечем, те деньги сложить и впредь не править, а брать с домашних бань по 5 алтын на год. Которые имеют у. себя пожитков на 50 рублей и больше, у тех брать с бань по рублю; у кого меньше 50 рублей, с тех брать по 5 алтын; с крестьян и деловых людей брать с бань по 3 алтына по 2 деньги. Содержание постоянных дворов, взятое прежде в казну, в 1705 году опять отдано частным людям с обязанности платить четвертую долю с постоя. Торговля льном взята у англичанина Гутфеля, а велено торговать всем свободно, возить всюду. Заведение флота заставило обратить внимание на леса; те из них, которые доставляли хороший материал для кораблестроения, правительство объявило *заповедными*: в 1705 году было определено, чем и для чего можно было пользоваться в этих заповедных лесах: «На сани и

телеги, на оси и полозья и к большим чанам на обручи рубить заповедные леса: дуб, клен, вяз, корогач, лиственницу, а на мельничные потребности, на пальцы и на шестерни рубить ныне всем невозбранно; а на иное домовое и ни на какое строение никаких заповедных лесов отнюдь никому не рубить под смертною казнию безо всякой пощады».

Брали деньги везде, где только можно было взять, брали дубовые гробы из лавок и продавали вчетверо; но доходов все недоставало на военные издержки, и потому собирали деньги на жалованье ратным людям с дьяков и подьячих, московских и городовых. Ратным людям надобно было платить жалованье, и платить хорошими деньгами, которые бы имели ход и в чужих странах; для этого в 1706 году распорядились: «Деньги медные держать в расход и давать жалованье и на всякую дачу тем, которые живут на Москве, десятую долю медными, а которые в приказы приносят во всякие платежи, и тех медных денег принимать пятнадцатую долю на такие же московские расходы; а монеты на жалованье в полки посылать и давать всегда в расход». Хорошие же деньги нужно было посылать за границу на жалованье послам: Долгорукову в Копенгаген – 1865 рублей в год; фон дер Литу в Берлин – 2700; Урбиху в Вену – 9000; Толстому в Царьград – 4225; Матвееву в Англию – 5265.

Кроме усиленных денежных поборов, шедших преимущественно на войну, были и поборы другого рода, для внутренних улучшений: в сентябре 1705 года велено было мо-

ститъ московскіе улицы камнемъ, для чего крестьяне и торговые люди должны были доставлять дикий камень и песок. Но вдругъ всю Москву вымостить камнемъ было нельзя; нужно было поддерживать старую деревянную мостовую и позаботиться об опрятности улиц. В феврале 1709 года велено было выбрать во всехъ улицахъ и переулкахъ для досмотра помета и мостовыхъ бревенъ десятскихъ; если противъ чьего-нибудь двора из мостовой будутъ бревна выломаны или покражены или какой навозъ и мертвечина и пометъ явится, то все это очищать и краденые из мостовыхъ бревна замащивать хозяевамъ, противъ чьихъ дворовъ пометъ и краденые бревна явятся; ослушниковъ за первый приводъ бить батогами, за второй бить батогами и брать пени по 5 рублей, за третій бить кнутомъ и брать пени по 10 рублей.

Крестьяне должны были доставлять дикий камень и песок для московскихъ мостовыхъ; монастырскіе крестьяне Московскаго уезда должны были возить на гошпитальный дворъ можжевельникъ, поставлять быковъ. В 1706 году великій государь указалъ построить за Яузою-рекою противъ Немецкой слободы в пристойномъ месте гошпиталь для леченія болящихъ людей, а у того леченія быть дохтуру Николаю Бидлу да двумъ лекарямъ, Андрею Рыбкину, а другому – кто приисканъ будетъ. Тогда же велено набрать изъ Монастырскаго приказа в ученики к дохтурственному делу и отослать к доктору Бидле; между прочимъ, изъ Адмиралтейскаго приказа былъ отосланъ матросъ голландскаго ученія. В 1707 году гошпиталь попечени-

ем Мусина-Пушкина был окончен. Главный доктор Бидлоо в 1712 году писал Петру: «В сем гошпитале благоволил ваше величество, чтоб я сего народа несколько молодых людей, кои голландского и латинского языка искусны были, хирургии по основанию анатомическому научил, и больных, посланных ко мне, и иных бедных увечных исцелял, и всяких людей, кои ко мне присланы были, посещал. Более тысячи больных у меня оздоровели. Лучших из студентов моих рекомендовать не стыжусь, ибо они не токмо имеют знание одной или другой болезни, которая на теле приключается, и к чину хирурга надлежат, но и генеральное искусство о всех тех болезнях, от главы даже до ног, с подлинным и обыкновенным обучением, как их лечить, тако ж приключающиеся язвы завязывати и ко оным завязывание сочинять, где повседневно от ста до двухсот больных суть, зело поспешно научились. Взял я в разных годах 50 человек до науки хирургической, которых 33 осталось, 6 умерло, 8 сбежали, 2 по указу взяты в школу, один за невоздержание отдан в солдаты».

Существовали старые богоугодные заведения при церквях, богадельни; в 1710 году упоминаются в Москве: Николаевская богадельня за Яузою на Болвановке, Троицкая у Покровских ворот на Грязях, Введенская на Сретенке, Троицкая в Мещанской, Троицкая в Сыромятниках, Смоленская, Адрианонатальская. В декабре 1705 года боярин Мусин-Пушкин по указу великого государя приказал: нищих, которые являются на Москве, и ходят по рядам и по улицам,

и сидят по перекресткам, просят милостыню пришлые из городов и из богаделен, ловить и деньги, сколько у них сыщется, брать поимщикам себе, а их приводить в Монастырский приказ, и чинить им наказание, и всякого чина людям заказывать, чтоб тем бродящим нищим милостыни никто не давал, а кто хочет милостыню подавать, пусть дает в богадельни; а кто не послушается и будет подавать милостыню бродящим нищим, таких хватать, приводить в Монастырский приказ и брать с них пеню по указу; из этих пенных денег половина идет в Монастырский приказ, а другая – тому подьячему, который станет таких людей приводить в приказ, и для того послать из Монастырского приказа подьячих с солдатами и приставами по улицам.

В Москве преследовали нищих; в областях продолжалось преследование, и не с большим успехом, более вредных людей. И июля 1707 года сидели бояре в столовой палате, слушали памяти из Разряда, отписки из Углича и Твери и приговорили: на Углич, в Тверь, в Ярославль, в Пошехонье, в Торжок, Бежецкий Верх и другие города и уезды для розыску и поимки разбойников и смертных убийц и зажигателей послать нарочно из московского Судного приказа стольника князя Василия Мещерского, потому что в этих уездах воровские люди ходят, собравшись многолюдством, много сел и деревень пожгли, много домов разорили. В 1710 году в Монастырский приказ дали знать, что разбойник Гаврила Старченок с 60 товарищами приезжал днем в вотчину Ипатьев-

ского монастыря, село Колщево, с ружьями, шпагами, копьями и бердышами; въехавши на монастырский двор, велел прикащику купить в кабаке вина и пива и пил до ночи; разбойники побрали монастырских лошадей, собирали деньги, прикащика, старосту и сторожей били и мучили; крестьяне от вора заперты: никого, никуда, ни с каким делом послать нельзя, проходу и проезду нет, везде разбойники грабят. Тот же Старченок разбил вотчину Вздвиженского монастыря, село Покотцкое, жег огнем, топил печи и сажал туда крестьян, а девиц ругал ругательски; соседние помещики и вотчинники все выехали в Кострому, и разбойники, не видя ниоткуда сопротивления, в полтора месяца отогнали у монастырских крестьян 300 лошадей, не считая пограбленных пожитков. В том же 1710 году били челом государю клинские, волоцкие, можайские помещики и вотчинники: приезжают к ним разбойники многолюдством со всяким оружием, разбивают и жгут села и деревни днем и ночью, мужиков бьют до смерти, баб и девок увозят с собою, лошадей берут, остальных лошадей и скот побивают, хлеб из житниц на улицу высыпают для разорения; на разбой они ездят, собравшись из многих городов и уездов, беглые солдаты, драгуны и корела. От такого разорения и страха, покинув дома свои, они скитаются с женами и детьми по городам. Против разбойников отправлен был полковник Козин.

Если разбойничество по старине производилось в таких широких размерах, если столько людей решалось жить на

счет своих, вести постоянную войну с своими, обходиться с ними, как с врагами, то нет ничего удивительного, что считали все позволённым для приобретения выгоды от чужого, от врага, попавшегося в руки: в 1706 году иерусалимский патриарх Досифей писал царю, чтоб запретил своим подданным продавать туркам шведских пленников. Но для перемены подобных взглядов в обществе уже принимались средства, хотя и в слабых начатках, хотя и долго ещё недействительные: несмотря на тяжкую войну, внимание царя было постоянно обращено на школу, на книги, на все то, что могло распространить знание. В 1707 году приехали из Голландии наборщик, тередорщик и словолитец; последний привез три азбуки *новоизобретенных русских литер*. Этими новоизобретенными литерами, или так называемым гражданским шрифтом, начали печататься книги с 1708 года. Первою книгою, таким образом напечатанной, была «*Геометрия славенски землемерие*». За нею следовал письмовник, переведенный с немецкого под названием «Приклады, како пишутся комплементы разные». Эти иностранные приклады начали вытеснять старинные русские образцы писем, отличавшиеся своею униженностию. В том же 1708 году Петр поручил справщику типографии Поликарпову составить русскую историю от начала княжения Василия Ивановича до последнего времени; Петр писал Мусину-Пушкину, чтоб Поликарпов, описавши на образец лет пять, на два ма­нера – пространно и коротко, прислал ему немедленно. В ян-

варе 1709 года, готовясь к решительной борьбе с Карлом XII, Петр писал боярину Мусину-Пушкину, чтоб отыскал в монастырях жалованные грамоты великих князей до царствования Иоанна IV, и у тех грамот какие печати. Тогда же Мусин-Пушкин получил от царя для напечатания книгу историческую о Троянской войне. «По указу твоему, – писал Петру Мусин-Пушкин, – шведские артикулы, выправя, печатать будем; геометрическая книга скоро не поспеет для фигур, архитектурная книга у Гагарина, 2000 календарей послал в армию для продажи, меньшие по 4 копейки, большие по 5, послал 30 книжек кумплементальных, то ж число слюзных. Эзопову книгу славянским диалектом исправили и можем напечатать вскоре». Петр был недоволен печатью и переплетами. Тогда же была напечатана «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра, великого царя македонского». Кроме того, напечатано несколько переводных книг, относящихся к военному искусству. Петр сам поправлял переводы и учил, как переводить; так, в феврале 1709 года он писал молодому Зотову: «Книгу о фортификации, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зело хорошо и внятно переведены; но как учить фортификацию делать, то зело темно и непонятно перевелено, также в табели мера не именована, который лист, переправя, вклеили в книгу, а старый, вырезав, при том же посылаем, где сами увидите погрешение или невнятность. И того ради надлежит вам в той книжке, которую ныне переводите, остеречься в том, дабы внятнее

перевести, а особливо те места, которые учат, как делать, и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но, точию сие выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть». Еще в марте 1705 года велено присылать в Посольский приказ все известия о военных действиях, потому что государь указал в Посольском приказе о шведской войне делать диариуш (дневник).

Кроме книг, издававшихся правительством для русского народа, переводов с языков иностранных, на счет русского правительства издавались книги за границу для иностранцев. Мы видели, что в 1705 году царь отправил в Германию Гюйсена «с подлинными комиссиями». Одна из этих комиссий состояла в том, чтоб издать опровержение брошюры Нейгебауера. Это опровержение вышло в 1706 году на немецком языке под заглавием: «Пространное обличение преступного и клеветами наполненного пасквиля, который за несколько времени перед сим был издан в свет под титулом: Искреннее письмо знатного немецкого офицера». В сочинении Гюйсена Нейгебауер величается архишельмою; уверение его, что в России дурно обходятся с иностранными посланниками, опровергается тем, что об этом Европа узнала бы не из пасквиля, а из газет и публичных актов и государи отплатили бы за оскорбления своих представителей. Защищается Меншиков: его род производится от хорошей дворянской фамилии литовской, утверждается, что его отец был офицером Семеновского полка. О Монсах говорится,

что они были выведены Лефортом, который, умирая, умолял царя покровительствовать им. Царь дал обещание и исполнил его; но Монсы употребили во зло царские милости, за что у них были отобраны данные им деревни и большой каменный дом. С царевичем Алексеем Меншиков и министры обходятся чрезвычайно почтительно, но сам царь приказывает, чтоб сына его в молодости не баловали чрезмерным ласкательством. В заключение характер и поведение Нейгебауера описываются черными красками. Нейгебауер отвечал новою брошюрою, в которой обвинял Гюйсена в воровстве; говорил, что Гюйсен получил место при царевиче по ходатайству любовницы Меншикова и т. п.

Мы видели, что Петр, желая поднять духовенство, дать ему силу, потребовал от него образования; в январе 1708 года издан был указ: «Поповым и дьяконовым детям учиться в школах греческих и латинских; а которые из них учиться здесь не захотят, таких в попы и в дьяконы не посвящать, в подьячие и никуда не принимать, кроме служилого чина». Управление церковными имениями находилось по-прежнему в ведении Мусина-Пушкина. Сначала давали каждому монаху по 10 рублей денег и по 10 четвертей хлеба; но с 1705 года царь велел уменьшить эту дачу вдвое, по 5 рублей денег и по 5 четвертей хлеба с готовыми дровами. В которых монастырях по расходным книгам оказалось, что прежде учреждения Монастырского приказа на каждого монаха приходило меньше пяти и четырех рублей, тем и Мона-

стырский приказ выдавал столько же, а малым монастырям с небольшими доходами позволено было ведать свои вотчины по-прежнему, «понеже, — писал Мусин-Пушкин, — нимало-го прибытка учинить не из чего». Прибыток, чинимый Монастырским приказом, шел на благотворительные учреждения, на богадельни, на новопостроенный госпиталь, также на печатание книг. Некоторые архиереи были очень недовольны учреждением Монастырского приказа и управлением Мусина-Пушкина. В 1707 году из Монастырского приказа послан был драгунский поручик Василий Тютчев для розыска про нижегородского митрополита Исаию и по возвращении донес, что митрополит, выслушав от него, зачем он прислан, начал говорить с криком: «Ты овца, вам ли, овцам, про нас, пастырей, разыскивать? Боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин напал на церкви божии, вотчины наши ведает, а теперь у нас и данные, и венечные деньги отнимает, и если эти сборы у меня отнимут, то я в своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину. Какое мое архиерейство, что мое у меня отнимают? Как хотят другие архиереи, а я за свое умру, а не отдам, а ты по наказу своему разыскивай правдою; и так вы пропадаете, как червей, шведы вас побивают, а все за наши слезы и за ваши неправды, да и вперед, если не отстанете от неправд, шведы вас побьют». Вследствие донесения Тютчева отправился в Нижний дьяк Преображенского приказа Нестеров, чтоб допросить архиерея, точно ли он говорил это Тютчеву; Исаия сказал: «При-

ехавши в Нижний, свойственник боярина Мусина-Пушкина Василий Тютчев объявил мне о своей присылке в мирском доме, и я к его словам говорил разговором, а не криком: ты — овца, вам ли, овцам, про нас, пастырей, разыскивать? Прибавил я к тому правила св. апостол и св. отец и изложение вселенских патриархов. Боярин Иван Алексеевич сыскивать обо мне прислал свойственника своего нападкою на меня, мстя недружбу; а напал он, боярин, не на меня, напал на церковь Божию, потому: по исконным великих государей указам определены на всякие церковные нужды, без которых в церкви пробыть нельзя, на вино, просвиры, воск, ладон, масло, сборы с церковей данные и вечные; он эти деньги отнимает, и если эти сборы будут отняты, то я церкви затворю, и архиерейскому дому правиться будет нечем и архиерейству быть не у чего, поневоле надобно будет архиерейство покинуть, какое архиерейство, когда данное в дом отнимают? Без именного государева указа я вечных и данных денег не отдам. Говорил я Тютчеву и о том, чтобы по наказу разыскивать правдою, помнил бы видимое лежащее на них за прегрешение грехов их и неправд посещение, что шведы стоят такое продолжительное время противно».

Исаия высказал открыто и резко свое неудовольствие; другие высказывали его скромнее и тайнее. Не был доволен и первый архиерей в России, блюститель патриаршего престола, рязанский митрополит Стефан Яворский. Мы видели, как он поступил пред поставлением своим в архиереи на ве-

ликороссийскую епархию; и теперь все рвался из Москвы в Малороссию. Может быть, действительно ему было тяжело в Москве, как на чужой стороне, где по своему скрытному характеру он не мог возбудить к себе большого сочувствия и где вообще тогда не очень доброжелательно смотрели на малороссиян. Стефан в своих проповедях расхваливал Петра. его дела и поведение, иногда приторно, тяжело, иногда удачно. как, например: «Удивляемся не только мы, видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикого лица преклонству, толикому смирению и снисходительству: с нами яст, пиет, спит, сидит, любовне беседует с нами; аки един от сосед и друзей наших премирно сожительствует, и забыв себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещет, всякому есть приступен, жилища наши посещает, обедом, вечерию и охотою нашею не гнушается. С нами, аки отец с чадами, больши реку, яко брат с братиею, житие свое проводит. Председание на сонмищах и предвозлегания на вечерах и целования на торжищах давно то оставил фарисеем прегордым». Стефан сам свидетельствовал, что услаждался, как сахаром, милостию царского величества и отеческим его благопризрением; он не мог жаловаться и на скудость содержания при новых порядках, как жаловались другие архиереи. «От самого великого государя, – говорит Стефан, – много раз получал за победительные проповеди (проповеди, сказанные по случаю побед) иногда тысячу золотых, иногда меньше, также и от прочих членов царского дома мно-

гие много раз щедроты бывали мне за литургии и проповеди слова божия».

Несмотря на то, Стефан упорно требовал увольнения от должности, отпуска на родину, представляя свои немощи; но ему, как человеку скрытному, непрямому, не верили, предполагали, что он чем-то недоволен, что ему чего-то хочется, что если бы, например, его сделали патриархом, то он бы не пошел на покой. В 1706 году Яворский был в Киеве вместе с государем и стал проситься, чтоб его там оставили, не возвращали в Москву; Петр отказал и уехал; тогда Яворский приступил к оставшемуся в Киеве боярину Стрешневу с слезною просьбою о том же. «Был я у него не один раз, – писал Стрешнев царю, – и много было с ним разговоров: и милостью своею я его обнадеживал, и гневом грозил; наконец он решился выехать из Киева и выехал, никому не сказавшись; даже в том монастыре, где жил, не ведали. Просил он у меня, чтобы гневу твоего на него не было за усиленные его просьбы; я ему сказал: твои были большие просьбы, и государево изволение – велено ехать; ты так и сделал, и потому гнева государева на тебя нет и милость государева к тебе по-прежнему не умалится».

Милость государева не умалилась по-прежнему, но и поводы к неудовольствию оставались прежние, а Яворский не имел духу отстранить их откровенным объяснением; только сердился втихомолку да просился на покой. Неприятно блюстителю патриаршего престола, когда царица Марфа Матве-

евна пришлет сказать ему, что в Архангельском соборе дьяконы кидают в священников воском; Стефан велит наказывать виновных, посадить в заключение, а тут царица опять присылает, чтоб освободить их. Но это еще ничего, по крайней мере царица; но нестерпимо то, что боярин Мусин-Пушкин поставлен каким-то помощником, товарищем блюстителю патриаршего престола. В 1707 году холмогорский архиепископ Сильвестр был переведен в Смоленск; на его место нужно было поставить архиерея, и Стефан представил Петру, находившемуся тогда в Москве, двоих кандидатов, архимандрита троицкого и знаменского. Ни тот, ни другой не понравились, и Головкин писал Стефану, чтоб он избрал на Холмогорскую епархию из духовных особ трех или двух, которые бы были искусные, и ученые, и политичные люди: «Понеже та Холмогорская епархия у знатного морского порту, где бывает множество разных областей иноземцев, с которыми дабы тамошний архиерей мог обходиться по пристойности политично, к чести и славе Российского государства, яко же и прежде бывший Афанасий архиепископ со изрядным порядком тамо поступал». Царь отвергает кандидатов, велит выбрать других, но, что всего хуже, велит Мусину-Пушкину помогать митрополиту при этом выборе! Головкин писал Мусину-Пушкину: «К Стефану митрополиту я писал, что в том выборе будет и ваша милость вспомоществовать; а когда и кто именно те особы избраны будут, о том извольте, милость ваша, с ним, митрополитом, писать к царскому величеству, на что

его величество соизволит тогда указ свой послать, кого из тех особ на Холмогоры во архиепископы посвятить». В половине года опять новое столкновение у митрополита с Музиным-Пушкиным, который жаловался на Стефана Головкину: «В письме твоём писано, что указал великий государь протопопу Тимофею быть в Благовещенском соборе и чтоб я о том указ объявил рязанскому митрополиту, дабы переведен был благовещенский к Воскресению. И я посылал к рязанскому митрополиту с тем указом, а он сказал, что того чинить не будет, дондеже сам царское величество увидит, и велми злобится на меня, будто все то я промыслом своим делаю. И так во нраве своём переменился, приехав из Киева, что никто угодить не может».

Свидание с царем в Москве после Полтавы не успокоило Стефана. В 1710 году он писал поздравительные письма Петру со взятием городов у шведов, натягивая, по своему обычаю, каламбуры; так, поздравляя со взятием Риги, писал: «Уже и Рыга их славная *изрыгнула* горестно, яже прежде поглощала сладостно труды людей и наследила многих potentантов богатства; где твоя, Рига, пыха, где твоя, Выборк, гордыня?» По случаю взятия Ревеля писал: «Слава богу, пошло нам на здоровье, егда *ревень* или Ревель врачебную вещь дал нам бог всемогущий стяжати». Стефан подписывался: «Верный подданный, недостойный богомолец, раб и подножие, смиренный Стефан, пастушок рязанский». Но когда в сентябре Петр позвал Стефана в Петербург, пастушок выпросил

отсрочку под предлогом болезни и уехал в Рязань. 2 ноября Мусин-Пушкин писал к царю: «Митрополит рязанский поехал на Рязань, и я к нему писал три письма, чтоб изволил ехать к Москве, понеже многие дела требуют его исправления; на третье письмо отвечал, чтоб его не принуждать быть к Москве и дела духовные, которые он ведал, чтоб приказать ведать иному. А слух есть, будто хочет он схимиться, и я писал к нему и послал дьяка, чтоб он без указа вашего величества того не чинил, и велел я всем архимандритам и священникам сказать, чтоб никто его без указа не схимил под жестоким наказанием».

Рязанский пастушок не посхимился, но и не помирился с своим положением, не помирился 41 с Мусиным-Пушкиным. «От головы начинает рыба смердеть, – проповедовал Стефан, – от начальников множится в собраниях бедство. Ирод, егда слыша Иоанна Крестителя, иных обличающа, в сладость послушаше его. Коснуся после Иоанн и самого безобразия Иродова: ваше величество! ты и сам еси от других злейший, понеже ты подданным своим злейший образ подаеши, от тебя мнози соблазняются... Зде Ирод тотчас говорит Иоанну: молчи! в темницу его! За дерзость казнь да примет!» Стефану никто не приказывал молчать, никто не сажал в темницу; он свободно мог проповедовать и производить сильное впечатление, о котором свидетельствуют современники, даже враждебные ему: «Что витийства касается, правда, что имел удивительный дар, и едва подобные ему

во учителях российских обрестися могли, ибо мне довольно случися видеть в церкви, что он мог во учении слышателей привести плакать или смеяться, которому движение его тела и рук, помавание очей и лица пременение весьма помоществовало, которое ему природа дала. Он, когда хотел, то часто от ярости забывал свой сан и место, где стоял».

Но были в России два архиерея, два человека с различными характерами, подававшие друг другу руки и стремившиеся к одной святой цели, несмотря на трудности времени, несмотря на то, что Мусин-Пушкин, обрезывая монастырские доходы для нужд государственных, иногда резал по живому месту, лишал достойных архиереев средств служить великому делу образования, не умел делать различия между Исаиею нижегородским и Димитрием ростовским. Первый был Иов, митрополит Новгорода Великого, мало известный как писатель, отличавшийся практическою деятельностью, но хорошо понимавший необходимость образования для духовенства. В то время, когда в Московской академии при отсутствии греческих учителей учителя малороссийские дали господство латинскому преподаванию, Иов выпросил у Петра позволение взять к себе из ссылки братьев Лихудов, чтобы с их помощью завести при своем доме Греко-латино-славянскую школу. Но в Москве, как видно, не хотели дать преимущества Новгороду, и в январе 1708 года в ближней канцелярии состоялся боярский приговор: иеромонахов греческих – Иоанникия и Софрония Лихудьевых, которые ныне в

Великом Новгороде, и при них находящихся людей, которые с ними посланы с Москвы, взять по-прежнему к Москве и учить им в школах греческому языку. Знаменитых учителей взяли у Иова, но у него была еще другая деятельность: в Новгороде явились построенные на архиерейский счет три больницы, две гостиницы и дом для подкидышей. Новгородский митрополит имел особенное искусство при тогдашних трудных финансовых обстоятельствах заводить училища, больницы и сиротские дома; обширная переписка Иова с сильными мира сего показывает его практическое направление.

Другим характером отличался ростовский митрополит Димитрий, продолжавший и в описываемое время свою святую деятельность. Он окончил обширный труд – Четьи-Минеи, имеющие до сих пор такое важное воспитательное значение для русских людей, но не мог успокоиться. Летом 1705 года он поехал в Ярославль, важнейший город своей епархии. Здесь в одно воскресенье, когда после обедни он шел из собора домой, к нему подошли два человека, не старые, но с бородами, и сказали ему: «Владыко святой, как ты велишь? Велят нам по указу государеву бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить, лучше нам пусть отсекутся наши головы, чем бороды обреются». Изумленный митрополит не нашелся, что вдруг отвечать им от писания, спросил: «Что отрастет – голова ли отсеченная или борода обритая?» Те, помолчавши, отвечали: «Борода отрастет, а голова нет». «Так вам лучше не пощадить бороды, которая,

десять раз обрита, отрастет, чем потерять голову, которая, раз отсеченная, уже не отрастет никогда, разве в общее воскресенье», — сказал митрополит и пошел в свою келию. Но за ним пришло много лучших горожан, и был у них длинный разговор о брадобритии. Тут митрополит узнал, что многие, обрившиеся по указу, сомневаются о своем спасении, думают, что потеряли образ и подобие божие. Митрополит должен был увещевать их, что образ божий и подобие состоят не в видимом лице человеческом, но в невидимой душе: при том бреются бороды не по своей воле, по указу государеву, а надобно повиноваться властям в делах, непротивных богу и не вредящих спасению. После этого разговора Димитрий счел своею обязанностию написать рассуждение «Об образе божии и подобию в человеце», которое несколько раз печаталось по приказанию Петра. Но на этом нельзя было остановиться: за людьми, которые сомневались в своем спасении, обривши бороды, и которые, однако, в своих сомнениях обращались к архиерею, стояли люди, которые уже давно не обращались к архиереям, считая их отступниками от истинной веры. Как малороссиянин, Димитрий не мог быть знаком с расколом до тех пор, пока не стал управлять Ростовскою епархией; здесь, увидевши всю силу зла, он решился вооружиться против него. «Окаянные последние времена наши! — писал Димитрий. — Святая церковь сильно стеснена, умалена, с одной стороны, от внешних гонителей, с другой — от внутренних раскольников. С трудом можно где

найти истинного сына церкви; почти в каждом городе изобретается особая вера; простые мужики и бабы догматизуют и учат о вере». Митрополиту указали на священника, преданного расколу; убедившись, что обвиненный действительно раскольник, Дмитрий отрешил его от места, но позволил как вдовцу идти в монахи. Священник нашел доступ к царице Прасковье Феодоровне, та шлет письмо к митрополиту, просит его переменить решение. «Не могу сделать вещи невозможной, – отвечал Дмитрий, – много мне было от него досады, перед многими людьми называл меня еретиком, римлянином неверным, я все ему прощаю Христа ради моего, а священства у него не отнял, дал ему волю постричься в каком-нибудь монастыре; но боюсь гнева божия, если волка в одежде овчей пушу в стадо христово губить души людские раскольническими учениями». В конце 1708 года Дмитрий отправился в Ярославль «по нужде раскольнической, потому что сильно умножились раскольники в епархии». Поучив с неделю народ, он нашел, что устной проповеди мало, и потому написал в Москву: «Так как слова из уст больше идут на ветер, нежели в сердце слушателя, то, *оставя летописное дело*, я принялся писать особую книжку против раскольнических учителей, потому что бог за летопись меня не истяжет, а, если буду молчать против раскольников, истяжет». Эта книжица была знаменитый «Розыск о раскольничьей брынской вере».

Для Розыска Дмитрий считал нужным оставить летопис-

ное дело. «Помню, – писал он, – что в нашей малороссийской стороне трудно сыскать библию славянскую и редко кто из духовенства знает порядок историй библейских, что когда происходило: для того я бы хотел издать здесь краткую библейскую историю, книжицу не очень большую, чтоб всякий мог дешево купить». Первым препятствием, которое встретил Димитрий, была хронологическая запутанность; когда он сделал опыт разъяснить дело и послал его на суд тогдашним ученым мужам, то они заметили, что это не история, и видели соблазн для раскольников в том, что вопрос о годе Рождества Христова оставлен нерешенным. «Это действительно не история, – отвечал Димитрий, – а только оглавление будущей истории, где предлагается не что-нибудь сомнительное, но указываются ошибки, в которых наши упорно стоят. Что же касается до соблазна раскольников, то мне и хотелось показать, что у наших неправое летосчисление на основании хронографов. Почему греческие хронографы не согласны с мнением наших? Разве о таких несогласиях молчать и, что ложно, того не обличать и упрямству людскому снисходить? Раскольникам же никто ничем не угодит: они и добрыми, полезными и святыми вещами соблазняются».

Крепость телесная не соответствовала силе духовной. «Рада душа в рай, грехи не пускают, – писал Димитрий. – Рад писать – здоровье худо. Чего мне, бессильному, надеяться? Страх смерти напал на меня. А дело летописное как останется? Будет ли охотник приняться за него и довершить? Не

жаль мне ничего, да и нечего жалеть: богатства не брал, денег не накопил, одного мне жаль, что начатое книгописание далеко до совершения». 28 октября 1709 года святой трудолюбец скончался на молитве 58 лет от роду; в гробе под голову и подо все тело, по его завещанию, постланы были его черновые бумаги. Кроме книг, у него ничего не осталось, он не хотел оставить даже и на помин души, чтобы не нарушить обета нестяжательности.

Жалоба такого архиерея, как св. Димитрий, тяжело легла на памяти Мусина-Пушкина. В мае 1707 года Димитрий писал в Москву о своем состоянии: «Часто болею, отчасти и печалию смущаюсь, видя беды священникам, смотря на слезы их; и дом наш год от году оскудевает. Хотя и уповаю на бога, однако при виде их нужды скорблю, потому что естество человеческое, сердобольно сущее, обыкло соболезовать бедствующим». До нас дошло также письмо Димитрия к Иову новгородскому: «Слыша начавшееся у вашего преосвященства еллино-греческое учение тщанием вашим архиерейским, трудолюбием же премудрейших учителей Иоанникия и Софрония Лихудиевых, сильно о том радуюсь, молю бога, да содействует преосвященству вашему и пречестнейшим учителям в том благопотребном деле; ибо что человека вразумляет, как не учение? И Христос господь, хотя сотворить учеников своих учителями всей вселенной, прежде всего отверз им ум разуметь писания. Уподобляешься господу своему, когда, желая иметь людей учительных, разум-

ных в пастве своей, собрал не малое число учеников и предложил им то учение, которое есть начало и источник всему любомудрию, т. е. еллино-греческий язык, которым все мудрые учения распространились по всем народам. Я, грешный, пришедши на престол ростовской паствы, завел было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше и уже начинали было грамматику разуместь недурно; но, попущением Божиим, скудость архиерейского дома положила препятствие, питающий нас вознегодовал, будто много издерживается на учителей и учеников, и отнято все, чем дому архиерейскому питаться, не только отчины, но и церковные дани и венеchnые памяти. Умалчиваю о прочих поведении наших. Sat sapienti».

Жаловались архиереи, жаловались и простые священники на небывалые тягости и поборы. В Белгородском уезде один сельский священник говорил другому: «Бог знает, что у нас в царстве стало: Украина наша пропала вся от податей, такие подати стали уму непостижны, а теперь и до нашей братии, священников, дошло, начали брать у нас с бань, с пчел, с изб деньги, этого наши прадеды и отцы не знали и не слышали; никак в нашем царстве государя нет!» Священник читал в постной триоде синаксарь в субботу мясопустную; в синаксаре написано о рождении антихристове, что родится от блуда, от жены скверны и девицы мнимы, от племени Данова; и стал он думать, где тот антихрист родится, не в нашем ли государстве? В это время приходит к нему по знакомству

Белгородских полков отставной прапорщик Аника Акимыч Попов; Аника был человек бездомовный, кормился в разных селах, учил детей грамоте. Священник начал говорить Анике: «В миру у нас стало ныне тяжело, прежние подати берут сполна, да сверх того прибыльщики стали брать с бань, с изб, с мельниц, с пчел деньги, лесов рубить и в водах рыбы ловить не велят, в книгах писано, что антихрист скоро родится от племени Данова». Аника отвечал: «Антихрист уже есть: у нас в царстве не государь царствует, антихрист; знай себе толкуется Даново племя царским племенем, а государь родился не от первой жены, от другой, так и стало, что родился он от блуда, потому что законная жена бывает первая». Священник заметил: «В книгах писано, что при антихристе людям будут великие тягости, и ныне миру очень тяжело стало, того и жди, что от бога станут отвращать». Игумен Троицкого смоленского монастыря говорил то же, что и нижегородский архиерей, только прямее, не загораживая Петра Мусиным-Пушкиным: «Государь безвинно людям Божиим кровь проливает и церкви Божии разоряет: куда ему Шведское царство под себя подбить? Чтоб и своего царства не потерял!» В Москве недовольные новыми обычаями и новыми поборами складывали вину на немку Монсову. «Видишь, — говорили они, — какое бусурманское житье на Москве стало: волосы накладные завели, для государя вывезли из Немецкой земли немку Монсову, и живет она в Лафертовых палатах, а по воротам на Москве с русского платья берут пошли-

ну от той же немки». Недовольные настоящим утешали себя будущим: между ними ходили слухи, что наследник также недоволен, что он окружил себя всегдашними представителями недовольных — козаками и ведет борьбу с боярами, по-таковниками незаконного царя: «Царевич на Москве гуляет с донскими козаками, и как увидит которого боярина и мигнет козакам, и козаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросят в ров. У нас государя нет; это не государь, что ныне владеет, да и царевич говорит, что мне не батюшка и не царь».

Одни жаловались на бояр за то, что они потакают новым обычаям, другие жаловались на тех же бояр, доносили на них, что не исполняют указов государевых относительно нововведений. В 1708 году разбросаны были подметные письма, в которых, между прочим, говорилось: «Воеводы посулы великие берут и беглых не высылают, и мы, сироты твои, от того вконец разорились, что с пуста платим; воеводы так поступают ради себя, что за ними беглые крестьяне живут, на твоей, государственной, земле премножество много деревень населено дворов по 200 и по 300. Бояре и другому указу твоему непослушны, о русском платье: как ты придешь к Москве, и при тебе ходят в немецком платье, а без тебя все боярские жены ходят в русском платье и по церквам ездят в телогрейках, а наверх надевают юпки, а на головах носят не шапки польские, неведомо какие дьявольские камилавки, а если на ком увидят шайку или фантаж, то ругают и смеются и назы-

вают недобрыми женами тех, кто ходит по твоему указу, а в заводе (зачинщица) Алексея Салтыкова жена, князя Петра Долгорукого, Абрама Лопухина, Ивана Мусина, княгиня Настасья Троекурова, Ивана Бутурлина, Тихона Стрешнева, Юрья Нелединского, княгиня Аграфена Барятинская; а брали оне образец (шапкам?) из монастыря Чудова от чернеца Колтычевского. Как царь Федор Алексеевич приказал охабни переменить, и в один месяц переменили и указу его не ругали, а твой указ ни во что ставят, в семь лет не переведут. И так все пропали, что ты наша надежда, государь, не изволишь быть на Москве, лишь только без тебя судьи богатятся, царство твое все разорилось, а они о том велми радуются, что ты идешь вскоре с Москвы, а мы, сироты твои, и पुще все пропадем, что не изволил ничего управить при своем здоровье и им, судьям, за их неправоe рассмотрение ничего не учинил. Только и всего указу твоего послушен учинился князь Александр Данилыч – велел всех беглых крестьян выслать. Воистину, государь, бояре твоего указа так не слушают, что Абрама Лопухина, и так в него веруют и боятся его, и он, Абрам, всем завладел, и что он им придумает, так и делают, кого велит обвинить, того обвинят, кого велит оправить, того оправят, кого захочет от службы отставить, того отставят, а кого захочет послать, того пошлют. Да он же, Абрам, был у Алексея Салтыкова (сидевшего в Судном московском приказе), и тут многие были и спросили его, быть ли Троекуровым детям за морем, и он, Абрам, посмеялся:

„Еще тот не родился человек, кому нас посылать; разве Абрама Лопухина на сем свете не будет, тогда моим сродникам за море идти; он которых написал сродников моих за море, и я им велел деньги кинуть, на те деньги Меншиковой княгине седла купят, на чем ей ездить в полках“. А сказывал про то князь Петр Долгорукий, как княгиня ездит верхом, и Анна Даниловна, и всякие слова про них говорили поносные. За ним, Абрамом, и за сродниками его беглых крестьян премножество много и донине. Воистину нам твое здоровье надобно для того: если мы достанемся ему, вору Абраму, во владительство, а он чает себе скорого владительства».

Письмо писал поп Алексей Федоров по приказанию жены Никиты Пушкина. Свидетельствами таких источников, как подметные письма, надобно пользоваться осторожно: они писались преимущественно под влиянием личных отношений; несмотря на то, нельзя не обратить внимания на сопротивление московских дам указу о немецком платье; нельзя не обратить внимания на значение Абрама Лопухина, значение, которое основывалось на близости его к наследнику, царевичу Алексею: велико было это значение в настоящем, еще больше грозило стать в будущем...

Мы уже видели, что все эти неудовольствия, выражавшиеся в разных слоях общества, не могли повести ни к какому серьезному сопротивлению действиям правительства в областях центральных; вооруженное восстание могло вспыхивать только на окраинах, в Астрахани, у башкирцев, между

козаками; но и тут везде правительство восторжествовало, несмотря на развлечение его сил борьбою с страшным врагом внешним. Расчет Мазепы и Карла XII на сильное неудовольствие в Малороссии на Москву и на царя также оказались неосновательным: народная масса осталась при народном знамени, которое держал Петр; но понятно, что после Полтавы Петр не мог оставить всю власть по-прежнему в руках людей, которые при стремлении к личным целям обращали так мало внимания на народное знамя. Немедленно после Полтавы, 17 июля, в Решетиловке гетман Скоропадский подал царю статьи для утверждения. Первая статья заключала в себе просьбу об утверждении и сбережении всех прав, вольностей и порядков войсковых. Царь отвечал, что эти права, вольности и порядки подтверждены им *генерально* при поставлении гетмана в Глухове и теперь он обещает ненарушимо содержать их *по милости своей*; обстоятельные статьи дадутся гетману после, ныне же это невозможно по неимению времени и послушаю похода государева в Польшу. Во второй статье гетман просил, чтоб в случае не генерального похода, а выступлений только части малороссийского войска на службу наказный гетман был независим от генералов и офицеров, чтоб они не возили впредь козаками дров, сена и не заставляли их пасти рогатый скот и коней, как то бывало прежде. Царь отвечал, что нельзя наказным гетманам не быть под командою великороссийских генералов; но генералам будет настрого приказано не употреблять козаков ни-

куда, кроме войскового дела, в случае непослушания генералов этому приказу наказные обязаны доносить государю, и преступники подвергнутся жестокому гневу царскому. В третьей статье гетман просил, чтоб великороссийские воеводы, где они на прежних местах останутся, ни в какие распоряжки и дела городские и полковые не вмешивались, а присматривали бы только за замками, да чтоб малороссиян, рассвирепевших и законной власти непокорных, к себе на службу не принимали; не обижали бы обывателей и расправы без малороссийской старшины сами не чинили. Также чтоб были выведены гарнизоны, в некоторых малороссийских городах вновь помещенные, потому что неприятель побежден и нет уже его больше в Малороссии. *Ответ:* Воеводам дано будет повеление, чтоб они, *без указу*, до малороссиян притязаний не имели, вольностей их не нарушали, в суды и расправы не вмешивались; а если будет какое важное дело до малороссиянина, то розыск и справедливость чинили бы с согласия полковников и старшины, не включая в это постановление государственных дел, измены и т. п. Что касается до гарнизонов, то они выведены отовсюду, кроме Полтавы, потому что большая часть городов Полтавского полка были замешаны в бунт запорожский. В четвертой статье гетман просил, чтоб на козацких дворах никто из великороссиян не становился самовольно, а посланникам квартиры указывали бы старшины городовые или сельские, «бо чрез тое вольность козацкая, за которую едино тылько служат, наруша-

ется». Царь отвечал, что самовольно ставиться на козацких дворах будет строго запрещено; в случае же неповиновения со стороны великороссиян козаки должны жаловаться находящемуся при гетмане ближнему стольнику Андрею Петровичу Измайлову, а в Киеве и вблизи его – воеводе князю Дм. Мих. Голицыну. В пятой статье гетман просил, чтоб великороссияне не брали самовольно подвод, не уводили лошадей, взятых в подводу, как это случалось несколько тысяч раз, чтоб не вымышляли допросов на ратушах, «бьючи и мордуячи людей», и чтобы великороссийские войска при переходах не обижали обывателей. *Ответ:* Государь даст приказание, чтоб постоя без крайней нужды у козаков не было, а что в прежней статье к лицу государя выражено, что козаки служат за одну козацкую вольность, того писать не надлежало: весь народ довольно испытал царские милости; он пользуется и ныне привилегиями и вольностями, притом государь освободил его от шведов, от Мазепы и от тиранства, погибели и разорений польских, турецких и татарских. В шестой статье заключалась просьба об увольнении от походов по причине крайнего разорения жителей. Государь уволил на лето 1709 года, кроме крайней нужды и некоторого числа, по требованию обстоятельств. В седьмой статье говорилось: хорошо, что проклятые запорожцы чрез измену утратили Сечь, но малороссияне пользовались оттуда солью, рыбю и зверями: просим, чтоб позволено было нам ездить туда за добычею и чтоб ни каменнотонский воевода, ни гар-

низон не делали промышленникам обид и препятствий. *От-
вет:* На этот счет будет сделано распоряжение после, а те-
перь нельзя, потому что под этим предлогом бунтовщики за-
порожцы могут вгнестись на прежних местах и устроить
собрания бунтовщицкие. Осьмая статья: «Один проклятый
Мазепа с малым числом единомышленников изменил ваше-
му величеству, а на всех нас, непоколебимых в верности, ле-
жит досада и порок: нас называют изменниками». *Ответ:* О
том уже было запрещение, и ныне оно строго подтвердится.
Девятая статья: «Бьем челом, чтоб указы не от многих в Ма-
лороссию были посылаемы и не в полки, а единственно от
вас, великого и всенадежно милостивого государя, и к одно-
му только гетману, он же их будет рассылать куда следует». *От-
вет.* Указы будут посылаться в Малороссию прямо на имя
одного гетмана и только из приказа Малой России и от ми-
нистров его величества.

В январе 1710 года царь дал гетману грамоту с подтвер-
ждением пунктов, «на которых приступил под высокодер-
жавнейшую руку отца нашего гетман Богдан Хмельницкий». Через месяц настрого было запрещено войсковым людям брать в Малороссии подводы сверх указного числа, ставиться самовольно на козацких дворах и вымогать излишние кормы и питье, велено довольствоваться тем, что дадут. «Также дабы отнюдь никто не дерзал наших верных подданных малороссийского народа людей изменниками называть. Ежели же кто сему нашему указу явится в чем преслушен, и за то

учинен будет офицерам воинский суд и по тому достойное наказание, а рядовым жестокое наказание». Верных подданных запрещено называть изменниками, ибо один Мазепа изменил с малым числом единомышленников, по Мазепа изменил, его предшественники изменили также или по крайней мере были обвинены в измене своими. Чтоб предотвратить на будущее время измену и ложные обвинения в ней, верным средством было поставить подле гетмана великороссийского чиновника, который бы отвечал за его поведение и не давал места крамоле. Жаловаться на такое средство было нельзя, оно оправдывалось необходимостью, а между тем это был шаг к уничтожению сана гетманского, ибо власть гетмана стеснялась присутствием этих очей и ушей царских. Ближнему стольнику и наместнику суздальскому Андрею Петровичу Измайлову поручено было находиться при гетмане для управления, по общему с ним совету, делами великого государя по случаю бывшего возмущения в Малороссийском краю и бунта запорожцев; ему было наказано стараться вместе с гетманом о сохранении тишины и благоустройства в Малороссии посредством поимки всех возмутителей; препятствовать вооруженною рукою запорожцам селиться вновь в Сечи или в другом каком месте; иностранных посланцев принимать вместе с гетманом, доставлять к государю привозимые ими письма и без высочайшего соизволения не отвечать, равно и козацких посольств никуда не отправлять; смотреть, чтоб гетман без указа государева ни-

кого из старшин и полковников не отставлял и чтоб избирались они с общего совета и с утверждения царского; препятствовать принятию в службу поляков и других иноземцев; наблюдать, чтоб гетман никого не казнил без воли царской; описать все имение изменников и прислать ему ведомость, впредь гетман не должен маетностей и земель ни давать, ни отнимать ни у кого без царского соизволения, за усердную же службу назначать земли с общего согласия генеральных старшин и потом представлять об этом государю; гетману иметь свое пребывание в Глухове; с городов в Полтавском полку и в других, замешанных в измене Мазепиной, взыскать в казну по два ефимка с каждого двора, в случае неплатежа разорить их до основания, подобно Батурину; истребовать от гетмана и полковников подробную ведомость о войсковых доходах. Кроме этого наказа Измайлову был дан еще тайный: иметь неослабное смотрение за поступками гетмана, старшины и полковников и препятствовать им сноситься с турками, татарами, поляками, шведами и с изменниками-козаками; в случае же измены или народного возмущения требовать пособия от воеводы киевского и от других соседних, а для скорейшего прекращения всякого беспорядка употреблять пехотные великороссийские полки, данные ему в команду и находившиеся прежде при Мазепе. Проведать тайно, сколько прежде собиралось и теперь собирается доходов для гетмана, генеральной старшины, полковников и прочих урядников. Узнавать из разговоров и обхождения, кто

из старшин и козаков более привержен к государю и какого уряда достоин. Но Измайлов, несмотря на то что сумел ужиться с гетманом, недолго, однако, при нем оставался, потому что имел неосторожность подписать вместе с Скоропадским увещательную грамоту к запорожцам. «И то мне zelo удивительно, – писал Головкин гетману, – чего ради то он учинил, ибо ему того чинить ненадлежало, но вашей милости, яко гетману Войска Запорожского, таковые универсалы и прочие дела, надлежащие к управлению малороссийского народа, одному надлежит подписывать». В сентябре 1710 года Измайлов был отозван, и вместо его велено быть при гетмане думному дьяку Виниусу и стольнику Федору Протасьеву для советов о государевых делах. Гетман, узнавши, что Измайлова хотят переменить, просил Головкина, чтоб оставили его при нем по-прежнему, уверяя, что живет с Измайловым согласно, очень доволен его благоразумными советами. Желая успокоить гетмана, Головкин писал ему: «О отозвании господина Измайлова уже указ определился, отчасти по преждебывшему собственному прошению и нужд его домовых и скудости; и определены вместо его при вас для потребного советования думный дьяк господин Виниус купно с стольником Федором Протасьевым, которые вашей вельможности довольно знаемы яко суть люди искусные и неважные и которым приказано будет, дабы с вашей вельможности во всем поступали нисходительно и вашей вельможности и советы и делами помогали, и уповаю, что ваша вель-

можность оными весьма контент будете». Присутствие при гетмане великороссийских чиновников, одного, потом двоих, разумеется, не могло не возбудить неудовольствия в Малороссии, не могло не возбудить опасения за существующий порядок. В феврале 1710 года киевский воевода князь Дмитрий Михайлович Голицын писал Головкину: «Сказывал мне бывший чигиринский сотник Невенчаннный: когда ехал он из Москвы, то на дороге встретил гетманского посланца, отво- зившего к государю дичину. Этот посланец спрашивал его: на Москве что делается? А у нас на Украине слышно, что государь хочет украинских всех людей перевести за Моск- ву и на Украине поселить русских людей. Москва лучшие города наши хочет себе побрать. Что наши и за вольности? Министр, который при гетмане, всякое письмо осматривает. Дурно сделал гетман Мазепа, что не объявил о своем деле всей старшине и посполитым людям. Теперь гетман просил всю старшину, чтоб потерпели какие ни есть тягости от рус- ских людей до весны, пока выйдут в поле, а как в поле вый- дут, тогда будут писать к государю, чтоб их вольности по- прежнему были; а если государь тем их не пожалует, то иное будут думать. Невенчаннный спросил у того же посланца, не пришли ли запорожцы с повинною к государю? И тот отве- чал: „Разве будут дураки, что пойдут; они хорошо делают, что Орду поднимают; а как Орду поднимут, то вся Украина свободна будет, а то от Москвы вся Украина пропала“. Тот же Невенчаннный объявил, что встретились с ним два запо-

рожца, шедшие с повинною к государю, и сказывали: „Все запорожцы для того нейдут с повинною к государю, что из Украины дали им знать: если вы пойдете, то все пропадете, заключайте союз с татарами и освобождайте нас, потому что мы все от Москвы пропали“».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.